

*“Stands Scotland where it did? Alas, poor country! Almost afraid to know itself.”*¹

Рецензия на научное издание: *Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А.* Средневековая Шотландия. СПб. Дмитрий Буланин, 2014. 352 с.

Отечественная (российская и советская) научная традиция по истории Шотландии, особенно до Унии 1707 г., еще очень молода и небогата. Рецензируемая монография – всего лишь третья значительная общая работа на русском языке по данному предмету и вторая – непосредственно по Средневековью. Поэтому ее выход в свет хотелось бы приветствовать, и тем тщательнее изучил ее автор этих строк, посвятивший шотландской истории не одно десятилетие. Я благодарен авторам книги за переданный мне экземпляр и надеюсь, что они не взыщут за детальный критический разбор, следующий ниже.

С.Е. Фёдоров и А.А. Паламарчук, специалисты по Англии раннего Нового времени, на сей раз обратились к истории независимого Шотландского королевства в Средние Века, а в дальнейшем предполагают также уделить особое внимание Ирландии и Уэльсу. Временной охват данной монографии огромен – полтора тысячелетия с древнеримских времен до XVI в., правда, не до начала реформации середины века, как гласит аннотация, а до его первых лет. Авторы не сочли необходимым установить для себя какие-либо тематические предпочтения или пределы, так что освещение отдельных этапов и аспектов темы неизбежно оказалось весьма неравномерным.

В Предисловии дан некоторый обзор новейшей шотландской историографии, но слишком сжатый, произвольный и недостаточный. Он открывается рядом неверных постулатов: шотландская медиевистика якобы зародилась во второй половине XIX в., пребывала «почти в неизменном виде» до конца 1960-х гг. и «оставалась замкнутым и самодовлеющим... феноменом... вне новейших тенденций... европейской исторической науки» (с.5) – тезисы в духе былых английских представлений об «отсталых кельтских окраинах». Во-первых, в XVII – начале XIX в. в Шотландии существовала сильная «антикварная» школа, довольно рано и на достойном уровне ведшая поиск, публикацию и комментирование источников. Во-вторых, шотландское Просвещение XVIII столетия, имевшее и яркую историческую грань, по праву славилось по всей Европе и за ее пределами; одна из первых в мире кафедр всеобщей истории, включая шотландскую, была основана в Эдинбурге еще в 1719 г.; знаменитый Уильям Робертсон издал свою «Историю Шотландии» в 1759 г., много писали в этой области и не менее известные Дэвид Хьюм (Юм), Джеймс Макферсон, Тобайас Смоллетт и др. К тому же авторы позабыли сэра Вальтера Скотта, который

¹ *Shakespeare*, *Macbeth*, IV, iii, 164–165. «В Шотландии без перемен? – Увы. Она сама себя узнать страшится...» (пер. Ю. Корнеева). Начало я бы перевел иначе: «Шотландия еще стоит?...»

был не только историком, но и основателем и главой исторических обществ, издававших средневековые памятники; его соратник П.Ф. Тайтлер выпустил первую «сплошную» историю Шотландии (с 1249 по 1603) в 1828–1843 гг. В-третьих, опущенные в обзоре шотландские историки XIX–начала XX в. (считаются безнадежно устаревшими?) Дж.Х. Бертон, Э. Лэнг, П.Х. Браун, Э. Бэррон и другие по своему уровню не уступали коллегам из Англии и с континента и были уважаемы ими, а главы «новой школы» Г. Доналдсон и Дж. Бэрроу с успехом начали писать задолго до конца 1960-х гг. Так что об «изоляции» и «застое» говорить никак не следует. Здесь же Шотландия и Ирландия именуются «однородными» этно- и социокультурными регионами, каковыми они не были никогда и не являются ныне. Неясно также, каким образом «современная шотландская медиэвистика... долгое время оставалась сугубо академическим направлением и не вторгалась в сферу университетской науки» (с.13), если почти все шотландские историки во все времена, особенно в наши, преподавали в университетах и не таили своих взглядов.

Первый, наибольший по объему, раздел книги рассматривает становление держав скоттов и пиктов в раннее Средневековье, с акцентом на бриттские и ирландские влияния и источники и с привлечением большого объема новейшей литературы. Перечень «королевств» и правителей бриттов IV–XI вв. (с.16–20) довольно подробен, хотя и лишен ссылок на то, откуда взят. Фраза, что пикты – «феномен, во многом сформированный римской культурой конца III–начала V вв.» (с.20) – большая натяжка; пикты, конечно, латинский этноним, а не самоназвание (как и скотты), но этот народ – вполне объективный феномен, отраженный не только в римских источниках этих веков, помимо богатых и самобытных монументов, памятников археологии и ономастики. Здесь же и далее неправильно передан этноним *Maecatae* – не «меты», а меаты.

После пространного рассуждения, самого подробного из донныне появившихся на русском языке, с многочисленными цитатами и отсылками, авторы приходят к уже намеченному «сенсационному» выводу, что пикты, собственно, – изобретение римлян, и по сути тождественны бриттам, только вторые жили под властью Рима, а первые нет. Авторы нередко применяют названия двух народов как синонимы и удивленно вопрошают: «как в среде генетически однородного населения мог появиться отличный, хотя бы на уровне внешних признаков, народ» (с.47)? Ну, прежде всего, «генетическая однородность» пиктов и бриттов пока никем не доказана. Приводимые в монографии письменные свидетельства (античные писатели, Беда, анналы, жития святых), напротив, довольно четко разделяют эти два народа, которые имели разные зоны обитания, свои властные центры и правящие династии и часто враждовали между собой. Это не исключает обоюдных связей, некоторой языковой и культурной близости. Данные ономастики показывают, что для части их топонимов характерно взаимное проникновение, однако в других случаях (с элементами *pit-* (*pett-*) или *cair-*) они географически расходятся настолько, что лучший эксперт в этой области

У. Николаисен указывает на «заметные и хорошо известные отличия между этими двумя ветвями [племен]» и «неоспоримые отличия в топонимической практике, которые, возможно, являются эхом более общих лингвистических отличий».²

О том же говорят и памятники археологии, и особенно пиктские символические стелы (не потому ли обойденные в монографии, кроме одной сноски в ином контексте, что они явно противоречат помянутому «открытию»?)). Ведь практически все из примерно 350 выявленных стел VI–IX вв. прямо связаны с Пиктавией (к северу от рубежа Клайд–Форт, что согласно с показаниями Адомнана и Беды о стране пиктов), и лишь единицы, возможно, привозные, найдены на окраинах земель бриттов.³ Эти замечательные монументы опровергают и другой тезис авторов, будто «у нас нет достаточных оснований полагать.., что [термин «пикты»] применялся к генетически и культурно однородной массе населения» (там же) – ведь образное и стилистическое единство пиктских монолитов на всей их обширной территории общепризнано и неоспоримо. Также неизвестны у бриттов огамические и латинские надписи на пиктском языке, нерасшифрованные до сих пор. «Бриттоцентрический» подход авторов неоправдан хотя бы потому, что бритты занимали сравнительно небольшую часть Шотландии на юго-западе, тогда как пикты много веков господствовали от Внешних Гебрид до Бахана и от Шетлендов до Файфа включительно. Дело не только в пространстве, но и в населении, ресурсах и военно-политических возможностях. Не бритты, а пикты остановили британский натиск римлян и англов (в монографии, кстати, ни слова об одной из величайших битв «Темных Веков» при Дан Нехтане в 685 г.), а затем и норвежцев; именно пикты успешно начали объединение будущей Шотландии. «Завоевание» и тем более истребление их скоттами можно считать мифом, ибо Кеннет МакЭлпин был признанным и, очевидно, законным королем и тех и других, что не исключает подавления им мятежей и очагов недовольства.

История раннего периода шотландских скоттов и их «государства» Дал Риата изложена в монографии слишком односторонне, в легендарно-мифологическом ракурсе и преимущественно на основе одного, пусть и очень важного, памятника – *Senchus fer nAlban*. Ирландские анналы, особенно их важный «шотландский» (в смысле скоттов и пиктов) слой, здесь привлечены в очень малой мере, не говоря о других сведениях. Король Эйдан мак Гэбран (правил в 574–ок.608), при котором Дал Риата достигла наибольшего подъема, лишь бегло упомянут по другому поводу на с.93, с эпитетом «Вероломный», редко применяемым в шотландской историографии. Авторы часто проводят параллели между Ирландией и Шотландией. Это, особенно ввиду богатства ранних ирландских источников

² An Historical Atlas of Scotland c. 400 – c. 1600. Ed. P. McNeill & R. Nicholson. St. Andrews, 1980. P. 3–4, 106–7. *Pit-*, вопреки утверждению авторов, не «пикто-бриттский», а пиктский элемент, который, как признают они сами, почти неизвестен в стране бриттов (с.99–101); с *cair-* дело обстоит наоборот.

³ *Ibid.* P. 9–11, 114–116 (статья И. Хендерсон и карты).

и скудости шотландских, важно и правомерно, но нельзя забывать, что по мере удаления от Ирландии в пространстве и времени шотландские скотты оказались в совершенно иных условиях, так что слишком доверять сходству и преемственности рискованно.

Узко-генеалогический подход преобладает в дальнейшем, когда речь идет об Албе, королевстве скоттов и пиктов IX–XI вв. Такой ракурс существен и любопытен, но в глазах авторов почти полностью заслоняет многие другие важные процессы и явления. Если бриттам, пиктам и скоттам уделено много места, правда, с заметными пробелами, то мощное английское воздействие почти не удостоилось внимания. Между тем с VI по начало XI в. англы не только постоянно вторгались в самую южную и богатую область Шотландии Лотиан и далее, но и колонизовали Лотиан и веками им владели, включая Эдинбург и другие крепости. Не более повезло здесь и англо-шотландским отношениям, первостепенным для обеих сторон, но почти полностью игнорируемым в монографии до самого конца XIII в. Читатель тщетно будет искать даже таких знаменитостей как «шотландские англы» Св. Катберт и Св. Маргарет; да и супруг последней, король Скоттов Малколм III, назван лишь пару раз и вскользь. Ни слова нет и о крупной победе скоттов над англами при Кареме (1018), которая в сущности предопределила нынешнюю границу между Шотландией и Англией. В итоге остаются непонятными причины и истоки многовекового англо-шотландского антагонизма.

Не менее удивляют крайне редкие и случайные появления в тексте викингов, полное отсутствие их саг и других источников. Это все равно, что писать о средневековой Англии без датчан. В середине книги (с.134) вдруг отмечено «сильное скандинавское влияние», но откуда оно взялось – неведомо, разве что на с.26 промелькнули без каких-либо пояснений «набеги Хальфдана», а на с.128 – три рейда викингов на Айону. Напомню, что «эпоха викингов» длилась на шотландских землях дольше, чем где-либо за пределами Скандинавии, – с VIII до второй половины XIII в. Норвежцы не только захватили все архипелаги – Шетленды, Оркней и Гебриды, включая Мэн, но и надолго закрепились в прибрежных областях Кейтнесс, Сатерленд, Кинтайр, Гэллоуэй и др. Только после победы при Ларгсе и Пертского договора 1266 г. короли Скоттов вернули все свои владения и избавились от норвежской угрозы. Словом, «реконструировать Альбу» (заглавие I раздела и, следовательно, задача авторов) без учета английского и скандинавского факторов едва ли возможно. Поскольку авторы еще и отказывают в самобытности пиктам и пишут о них самих (помимо терминологических и мифологических конструкций) довольно мало, то получается, что образование единого Королевства Скоттов из вошедших в его состав пяти этнических групп (а не только, по монографии, скоттов и бриттов) воссоздано в лучшем случае наполовину.

Период XI–XIII вв., ключевой и определяющий для становления шотландского социального строя, государственности и народности, представлен в монографии крайне неполно и сбивчиво. Политическая

история этих столетий, включая войны и международные отношения, фактически выпадает из поля зрения. На с.82 затронуты реформы короля Дэвида I, которые якобы представляли собой «европеизацию», причем «неэффективную». Тут необходимо было хотя бы вкратце пояснить, в чем они состояли. Что до эффективности, то Дэвид, один из самых успешных королей Скоттов всех времен, подчинил значительную часть северной Англии и фактически правил ското-нортумбрийской державой; он даже перенес свою столицу в Карлайл, где и умер. Непонятно, почему королевские земельные пожалования или подтверждения (зачем-то называемые «реституциями») рассматриваются лишь на уровне мормеров-графов, т.е. высшей светской знати. А как же бароны, рыцарство, духовенство? К тому же авторы с легкостью перескакивают из XII в. в XIV и обратно, нисколько не смущаясь различием эпох и обстоятельств. Утверждение, что тексты хартий королей Скоттов писались, «как правило, ирландцами или англичанами» (с.97) категорично, но не обосновано.

Глава о христианизации – одна из наиболее удачных и хорошо написанных в монографии, но и к ней есть замечания. Тут можно было указать на вероятное происхождение Св. Патрика из Стрэтклайда.⁴ На с.111 неточно переведена надгробная латинская надпись: не «великие и благочестивые епископы Вивенций и Маворий», а «святые и досточтимые священники Ид Вивенций и Маворий»⁵. Список местных святых достаточно представительен, хотя его хотелось бы дополнить почитаемыми и тогда, и ныне Махаром Эбердинским и «шотландским» уроженцем Катбертом – патроном не только Нортумбрии, но и Лотиана. Св. Дон(н)ана следует именовать «Эггским», т.к. Эгг – не «фамилия», а остров, на котором он подвизался; имя Св. Брендана дано с ошибкой (опечаткой?). Английский епископ в Эберкорне продержался всего около четырех лет (681–685) и бежал после разгрома англов пиктами, так что вряд ли можно вести речь о сложившейся там «самостоятельной епархии» (с.126–7). Авторы верно отмечают, что почитание Св. Колумбы преобладало на севере страны, а Св. Ниниана – на юге, но интересно, что Ниниан издревле считается патроном Шетлендского архипелага, где есть остров его имени, а также северного города Нэрн, чей герб изображает этого святого. Поиск корней шотландского культа Св. Андрея в Англии недостаточен, ибо связи раннего кельтского духовенства простирались почти по всей Европе; отмечу, например, что ряд правителей пиктов и скоттов с давних пор носили имя Константин, тогда неизвестное не только в Англии, но и в других странах по окраинам римско-византийского ареала. Странно выглядит утверждение авторов, что за почитанием Св. Андрея в Шотландии «не стояло какой-либо укорененной традиции или церковной практики» (с.132) – христианство в Северной Британии к тому времени давно укоренилось, а культ одного из первых учеников Христа по всему христианскому миру восходит к I веку. Если не

⁴ Boyle A. "The Birthplace of St. Patrick". *Scottish Historical Review*, LX, № 170, 1981. P. 156–60.

⁵ "S[an]c[t]i et praecipui sacerdotes Ides Viventius et Mavorius" (*Graham-Campbell D. Scotland's Story in Her Monuments*. L., 1982. P. 24).

сохранились данные о ранних храмах, посвященных тому или иному святому, это еще не значит, что их не было.

Несмотря на все указанные недостатки (более мелкие опускаю), первый раздел представляется самым обстоятельным и источниковедческим. Ряд проблем (происхождение бриттов и скоттов, христианизация Северной Британии, дискуссия о мормерах и др.) впервые столь широко и вызывающе поставлен в российской историографии.

Если во введении и первом разделе авторы провозглашают приверженность «новым», «насыщенным» научным подходам, то во втором и особенно третьем разделах они возвращаются к традиционной событийно-политической истории и даже к «старомодному» повествованию по королевским правлениям, в чем, по-моему, нет ничего предосудительного. Рассмотрим содержание этих частей по существу.

В начале II раздела авторы уверенно заявляют, что к концу XIII в. короли Скоттов «фактически имели доминирующее влияние лишь в областях южной и центральной Шотландии», а их «связи с магнатами и династиями севера оставались весьма номинальными», не говоря о Нагорье и островах (с.134). Конечно, феодализация отдаленных горных и островных районов и их подчинение коронной администрации проходили постепенно и с немалыми трудностями, да и Гебриды отошли к Шотландии только в 1266 г., однако уже в XII–XIII вв. на этом пути было сделано немало. Подчеркну, что все сепаратистские мятежи этого периода были уверенно подавлены короной, а их предводители и претенденты на власть устранены, так что никаких местных «династий» не осталось, кроме подвластных короне графов и клановых вождей, которые уже не смели бросать ей прямой вызов. К тому же королевские бурги и шерифства Эбердин, Бэнфф, Элгин, Инвернесс и др., основанные уже к 1214 г., служили надежным оплотом центральной власти *на севере*. Правда, говорить о «стенах» шотландских бургов некорректно, т.к. в это время каменную стену имел один лишь Перт. Словами о «равномерной рассредоточенности жителей по территории» страны (с.135) авторы противоречат и реальности, и самим себе.

Нельзя смешивать, как делается на с.137, рыцарское держание с церковным (*in elemosina*): это принципиально разные вещи; рыцарская служба в Шотландии *никогда* не замещалась молитвами, которые были уделом церкви. Засим следует очередной твердый, но ничем не подкрепленный постулат: «В отличие от Англии, шотландская монархия не стремилась к достижению единообразия держаний и упорядочению поземельных отношений» (с.138). Отнюдь не так – очень даже стремилась; другое дело, что короли Норвегии и (гораздо чаще) Англии отвлекали ее от внутренних забот. При изучении грамот любого из королей Скоттов XII–XIV вв. вполне заметны и единообразие протокольных формул, и преемственность с актами предшественников, и расширение географии пожалований, и логичная система держаний на условиях военной службы (рыцари, лучники, галеры), денежной, натуральной или символической ренты, или безвозмездных. Тем же целям подчинялись коронные ордонансы

и парламентские статуты, совсем не учитываемые в монографии для этого периода, а нарушители законов и обычаев строго карались.

Диоцезы шотландской церкви, вопреки мнению авторов, лишь в малой мере соответствовали графствам, как по территориям, так и по титулам; можно сравнить их списки и изучить карты. Епископство Островов (Содор) располагалось не на Оркнейских островах, а на Гебридах. Женских обителей в Шотландии в ту эпоху было не 8 (с.141, без ссылки), а 15.⁶

При переходе к годам междуцарствия и восстания против англичан в конце XIII в. создается впечатление, что Эдуард I был первым английским монархом, притязавшим на сюзеренитет над «Шотландской землей», как он ее величал. Это следствие уже отмеченных умолчаний монографии. Еще в 920 г. король Скоттов Константин II был вынужден признать верховенство короля Англии Эдуарда Старшего, а в 1072 г. Малколм III принес оммаж Вильгельму Завоевателю. Правда, в 1189 г. «Кентерберийский отказ» Ричарда I аннулировал все права английской короны на Шотландию, но позже претензии возобновились. Упускают авторы и принципиальное различие в позициях сторон: шотландские короли, как и ряд их подданных, держали фьефы от Плантагенетов, но считали себя вассалами только в отношении английских земель («кроме своей державы»); англичане же пытались распространить их вассалитет на саму Шотландию. Попутно, как и повсюду, в тексте нередки «мелкие» неточности: так, Брюс оф Эннандейл и Комин оф Бэднох именуются графами, хотя они ими не были; пограничный Биргем, где был заключен примечательный англо-шотландский договор, превратился в Бирмингем; в 1290-х гг. не могло быть «покойного графа Морей», т.к. это графство учреждено в 1312 г.; вновь, на сей раз в политическом плане, путаются Оркнеи и Гебриды (с.155).

Черета промахов, заставляющих усомниться в осведомленности авторов, следует и дальше. Эндрю Морей вовсе не был ровней Уоллесу; он был сыном и наследником юстициария, знатного и богатого лорда Петти. Победу Уоллеса при Стирлинг Бридже авторы беспрецедентным образом делят на две части, не давая точной даты и измышляя битву «при стенах аббатства Крейг», тогда как это было *одно и то же* сражение; к тому же «аббатства Крейг» в Шотландии нет и никогда не было; *Abbey Craig* – Аббатская Скала, где стояли войска повстанцев, названа по соседнему монастырю Кэмбускеннет. Тут же сказано, что при Фолкерке Уоллес был разбит в «первом же сражении», хотя чуть выше описан его успех (и даже два) под Стирлингом (с.158–9)! При этом почему-то не отмечено, что Уоллес стал Хранителем Шотландии⁷ (фактически регентом) – невиданная честь для неимущего рыцаря.

После того как освободительную войну возглавил король Роберт Брюс, авторы, без малейшего обращения к документам и хроникам, смело заявляют, что жители юга Шотландии (к коему Данди, Перт и Стирлинг,

⁶ An Historical Atlas of Scotland. P. 46–7, 159 (карта).

⁷ Лат. Custos Regni, франц. Gardeyn du Reaume. Авторы переводят это как «блюститель» королевства.

кстати, не относятся) «были прочно вовлечены в структуру английской администрации... и по жизненному укладу были гораздо ближе к англичанам, нежели к гэльскому населению Нагорья, а потому вовсе не жаждали окончания английского господства» (с.166). Да, англичане имели немало шотландских сторонников, особенно среди южных баронов во главе с графом Марчем, и оплотом английской власти были гарнизоны захваченных замков юга. Но напомним, что к началу войны Лотиан и Стрэтклайд уже около трех веков пребывали вместе с гэлами в составе единого Королевства Скоттов, и реальная граница существовала не между Нагорьем и «равнинами», а между Шотландией и Англией. Каким образом юг мог «прочно вовлечься в структуру» всего за несколько лет новоиспеченного режима, который постоянно саботировался и рушился под ударами повстанцев? В 1297 г. английский казначей Крессингем доносил своему королю Эдуарду I: «До сей поры бóльшая часть ваших областей в Шотландском Королевстве не обеспечена начальниками, ибо они перебиты, осаждены или пленены, либо покинули свои места и не смеют возвратиться. А в иных шерифствах скотты назначили [своих] бейлифов и чиновников. Ни одно шерифство не содержится как подобает, кроме Берикшира и Роксборошира, да и те лишь недавно».⁸ Это – при Уоллесе, при Брюсе стало намного хуже. Что до весомого вклада Лотиана в войну с Англией на многочисленных примерах – отсылаю читателей к главному авторитету по этому вопросу.⁹

Авторы отмечают, что «в открытом бою» шотландцы одержали «немного крупных побед» над англичанами (с.170). В «генеральных» полевых битвах англичане, действительно, брали верх чаще – и не диво, при их огромном перевесе в средствах, живой силе, включая наемников, и вооружении. Но именно потому и впечатляет *немалое* число шотландских побед на поле брани, как упомянутых в монографии (Стирлинг Бридж, Рослин, Бэннокберн, Майтон, Оттерберн, Боже), так и опущенных, несмотря на их значение (Дан Нехтан, Карем, Лоудон Хилл, Байленд, Пайпердин, Сарк, Хэдден Риг, Энкрам). На большинство английских триумфов шотландцы достойно отвечали своими.

Численность войск англичан и их союзников при Бэннокберне авторы, не приводя источник, определяют как 15–17 тысяч. По этому поводу оценки разнятся. Именно такие цифры дает Р. Николсон, но только по пехоте, тогда как главную ударную силу Эдуарда II составляли до 3 тысяч тяжелой рыцарской конницы.¹⁰ Для авторов Бэннокберн – «обычное столкновение двух рыцарских армий и двух королей, решавших затянувшийся феодальный спор. Присутствие на поле боя ополчения из разных частей Шотландии вовсе не означало объединения шотландского «народа» вокруг патриотической абстрактной идеи борьбы с англичанами. Ополченцы исполняли свою феодальную обязанность... В XIV столетии определяющее значение имело

⁸ Documents Illustrative of the History of Scotland, 1286–1306. Ed. J. Stevenson. Vol. II. Edinburgh, 1870, № 455.

⁹ Barrow G.W.S. "Lothian in the First War of Independence". SHR, LV, № 160, 1976. P. 151–71.

¹⁰ Nicholson R. Scotland: The Later Middle Ages. Edinburgh, 1978. P. 87.

отнюдь не «национальное единство» (единственное, на чем было возможно выстроить единство разрозненных шотландских территорий и кланов – это подданство королю...), а вопросы сюзеренитета и статуса шотландской короны...» (с.170–171). У того, кто хорошо знаком с предметом, все в этом безапелляционном пассаже (во II разделе монографии нет *ни единой* конкретной ссылки на источники, только на их публикации в целом) вызывает резкие возражения.

Для начала, и в Средневековье, и позднее, как в Британии, так и на континенте, известно очень не много битв, где главные, почти максимально возможные силы двух держав были ведомы их монархами и лучшими военачальниками в очном поединке. Далее, войско скоттов и в тот день и почти всегда было отнюдь не «рыцарской армией» («феодалной» конницы у Брюса было всего сотен пять), а пешим *народным* (без кавычек) ополчением; главная военная повинность, «шотландская» или «общая служба» (*servitium Scoticanum* или *forinsecum*) имела дофеодалный и «надфеодалный» характер. Полагаю, что огромное большинство шотландских ратников мало разбиралось в тонкостях «сюзеренитета и статуса»; они просто бились за свою землю против чужестранного нашествия. От службы уклонялись всегда и везде, и ничто не могло быть проще, чем укрыться в горах и на островах Шотландии, но ведь шли же в бой раз за разом, десятилетиями, затем веками. Или их все время гнали силой? Если патриотическая идея была чистой абстракцией, то почему же ни Брюс, ни его преемники, даже годами сидевшие в английском плену, упорно не соглашались править своей страной как вассалы Англии, хотя это было легко устроить? Если все дело в верности королю, то почему шотландцы не прекращали сопротивления ни в его отсутствие, ни при наличии разных, враждующих претендентов? В таких случаях они уверяли, что держат земли «ото Льва» (герб их страны) и бьются за него. Авторы монографии совершенно не замечают документов эпохи, которые не оставляют сомнений в отчетливом понимании современниками того, что шла война не только королей и их подданных, но также стран и их народов (накануне и в ходе войны и в Шотландии и в Англии изгоняли представителей другой «нации» из городов, приходов, даже монастырей). Документы полны выражений *Communitas Regni Scotiae* («Община Шотландского Королевства» – его значение блестяще раскрыл и обосновал Джеффри Бэрроу¹¹), *gens, populus* или *nacio* [sic] *Scottorum* (“народ скоттов”). Не та, не наша «нация»? Возможно, но именно это *нечто* восстало и, несмотря на ряд разгромных поражений, выиграло трехсотлетние войны у сильнейшего во всех отношениях противника. Всего лишь пустые звуки, выдумки пропаганды, поздние домыслы националистов? Едва ли: такие войны не выигрываются случайно, и есть *неопровержимые доказательства* деятельного участия *всех сословий страны и народа* в освободительном движении уже на первом этапе, в конце XIII и начале XIV в., включая и гэлов, и самый проанглийский слой светской знати, откуда вышли почти все

¹¹ Barrow G.W.S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland (несколько изданий).

вожди шотландцев. Уже тогда считалось, что Брюс примкнул к восстанию скоттов не в последнюю очередь потому, что сам был скоттом, воскликнув: «Никто не презирает своей плоти и крови... Я должен пристать к своему народу!»¹² – слова, как ни странно, не из исторического романа и даже не из патриотической поэмы Барбора «Брюс» (кстати, ценнейший источник, совсем не привлеченный авторами), а из английской хроники Гисборо XIV в. В единоборстве Давида и Голиафа шотландцам нечем было брать, кроме боевого духа и сплоченности. Они этим и взяли, в отличие от ирландцев и валлийцев, у которых хватало первого, но недоставало второго. По моему глубокому убеждению, основы шотландской государственности и народности (национальности) были прочно заложены уже к концу XIII в., что и стало главной причиной освободительного движения, непревзойденного по мощи, упорству и длительности, а также его победы. В дальнейшем эти основы закалились и окрепли.

С учетом позиции авторов уже не удивительно, что для них самый выдающийся шотландский документ той эпохи, Арбротская декларация¹³, как и битва при Бэннокберне, не представляет ничего особенного. Шотландские историки, напротив, признают ее первым манифестом независимости своей страны. Рецензент разделяет это мнение. Авторы не считают нужным цитировать документ ни в давно опубликованном русском переводе, ни в собственном, а излагают своими словами. В таком виде он действительно зауряден. Но один фрагмент я все же приведу: «Доколе хоть сотня из нас останется в живых, никогда и ни в коей мере не покоримся мы английскому владычеству. Ведь не ради славы, богатств или почестей мы сражаемся, но единственно во имя свободы».¹⁴ Красивые фразы? Да, но еще и яркое непосредственное выражение – самими участниками событий – духа и цели общенародного освободительного восстания, которое само по себе – *исторический факт*, а не фантазия националистов. Как бы то ни было, неправомерно называть этот памятник «компиляцией из более ранних текстов Линтона... и риторики из «Заговора Катилины» Саллюстия» (с.177). Во-первых, авторство канцлера Шотландии Бернарда Линтона, хотя и очень вероятно, но все же не доказано, есть и другие версии. Во-вторых, там встречается всего одна измененная цитата из Саллюстия, так что документ не компилятивен, а вполне оригинален и притом великолепен по форме и содержанию. Поскольку английская сторона не произвела ничего подобного, благодаря Арбротской декларации шотландцы выиграли дипломатическую дуэль в папской курии, которая вскоре признала Роберта Брюса королем.

Шотландский парламент мимоходом появляется в монографии при отце и сыне Бэллиолах и далее, но нет ничего о его возникновении, составе, деятельности и виднейшей роли в борьбе за независимость до Роберта I и во время его правления, когда в парламенте закрепились горожане и свободные держатели.

¹² The Chronicle of Walter of Guisborough. L., 1957. P. 295.

¹³ Федосов Д.Г. «Арбротская декларация независимости Шотландии 1320 г.» СВ, № 52. С. 99–114.

¹⁴ Там же. С. 113.

Оценки исторических личностей, если и даются, не отличаются глубиной: они либо банальны («одиозный» Макбет, Роберт Брюс с «харизмой короля-рыцаря»), либо нераскрыты («нетипичный» Уоллес – но в чем же?), либо даже комичны («взрослый мужчина» Эдуард Брюс). Более изобретателен портрет короля Джеймса (Якова) I в следующем разделе.

Завершается II раздел вновь бездоказательным и, думается, трудно доказуемым утверждением: «в период войн за независимость размежевание между Хайлендом и Лоулендом стало еще более глубоким и ощутимым» (с.196). Замечу только, что рубеж между гэльским Нагорьем и «англоязычными» равнинами (чья речь все более заметно отличалась даже от северной Англии, не говоря о южной) никто и никогда еще не определил по той простой причине, что его не существовало. Большие различия в языке и укладе, разумеется, были, но постепенно преодолевались. Население «средней» Шотландии было двуязычным. Короли Скоттов до Джеймса IV включительно владели гэльским, так что гэлы не были для них чужаками. Уже Роберт I стал практически полновластным правителем на всей территории страны. В дальнейшем положение не раз сильно осложнялось, но в решающие моменты корона всегда брала верх, сломив в итоге и Дугласов, и лордов Островов, несмотря на их проанглийские интриги. Сошлюсь и на самих авторов: «было бы неверным характеризовать гэльское общество северной Шотландии как феномен, коренным образом отличавшийся от общества равнинных территорий»; то были «однопорядковые системы», без «качественных различий» (с.206). Вот с этим соглашусь всецело.

III раздел представляет собой гладкое, читабельное описание преимущественно политических событий в Шотландии по правлениям королей из династии Стюартов с конца XIV по начало XVI в., составленное по исторической литературе, опять-таки почти без источников. По несколько страниц кряду не дается никаких ссылок и на литературу. В России этот материал столь подробно публикуется впервые, что надо поставить в заслугу авторам, хотя в Британии давно и хорошо известен. Самостоятельность и исследовательская ценность такого реферативного повествования довольно ограничена.

В главе о Роберте II речь идет о внешней и церковной политике, но почти ничего не сказано о внутренних делах, кроме фактического отстранения короля от власти «большим советом» – без даты и без пояснения, что такое «большой совет»; к тому же «совершенно добровольный» отказ монарха от своих прерогатив (с.203) сомнителен. Ряд важных событий, в том числе битва при Оттерберне, почему-то очутились в следующей главе, посвященной Роберту III.

Неверно и неполно объяснен термин *cateran* (с.211); гэльск. *ceatha(i)rn(e)* означает «военный отряд», «охрана»; на языке Scots он приобрел значение «горца-разбойника»; такие охотники за добычей как правило не были ни тяжеловооруженными (доспехи у горцев были большой редкостью, да и обузой при быстрых налетах), ни знатными (если, конечно, не считать знатью весь клан, на что многие притязали). Графство Кэррик

никогда не входило во владения Дугласов (с.212), а почти неизменно принадлежало наследнику шотландского трона. В этот же период из текста выпало одно из важнейших междоусобных сражений в истории Шотландии – Харло (1411), где верные правительству войска остановили натиск лорда Островов. Говоря о вспомогательном шотландском корпусе во Франции в 1419–1424 гг., надо было привести его численность – 15 000 человек; такие силы крайне редко собирались даже на территории самой Шотландии, составляя около 2% ее населения. Титул Малколма Флеминга – не английский Камберленд (с.229), а шотландский Камбернолд. Должность канцлера именуется «новой для Шотландии» в начале XV в. (с.242), хотя она существовала уже в течение трех столетий. Король Джеймс I был убит 21 февраля, а не января 1437 г. (с.249). Прозвище «Черных» Дугласов происходит не от Арчибальда «Угрюмого» (*the Grim* – я перевожу это как «Свирепый») (с.253), а от его отца Джеймса, прозванного «Черным» и по цвету волос, и особенно по грозной славе в северной Англии, где женщины пугали своих детей его именем.¹⁵ Брак короля Джеймса II назван «фламандским» (с.267), хотя Фландрия и Гелдерн не одно и то же. Авторы полагают, что первым в Шотландии замком, приспособленным для применения артиллерии, был Рэйвенскрэйг (с.269), заложенный около 1460 г.; однако артиллерийские укрепления замка Трив старше: они датируются между 1447 и 1455 гг.¹⁶ Это лишь несколько примеров неточностей в третьем разделе.

Авторы находят «парадоксальным» «исключительно позднее» формирование литературной традиции на языке Scots (с.228). То было естественным следствием сложной культурной истории страны. Первое дошедшее до нас монументальное произведение на шотландском, поэма Джона Барбора «Брюс» (ок.1375), к сожалению, упомянуто в монографии лишь однажды, да и то в сноске. Зрелость, оригинальность и мощь этого труда предполагают существование более ранних памятников, либо не записанных, либо утраченных в рукописях. Добавлю, что переход государственных актов Шотландии с латинского на Scots начался достаточно рано, уже в конце XIV в.

Утверждая, что в 1448 г. «провокации шотландцев» на границе «не принесли ожидаемые плоды» (с.255), авторы почему-то упускают из вида крупную шотландскую победу над графом (а не «герцогом») Нортамберлендом в битве на Сарке, после чего преимущество перешло к шотландцам и увенчалось освобождением Роксборо в 1460 г. Между тем авторы неуклонно проводят свою линию, сходную с позицией средневековой английской короны: «основой весьма эфемерного единства шотландских земель были вассально-сеньориальные узы...» (с.260). На деле основанием *вполне эффективного* единства Шотландии, включая гэлов, была крепнущая национальная сплоченность, благодаря которой исход *всех* англо-

¹⁵ Barbour J. The Bruce. Ed. W.W. Skeat. Oxford, 1968. Vol. I. P. 16; Vol. II. P. 377–8.

¹⁶ Tabraham C.J. & Good G.L. The Artillery Fortification at Threave Castle, Galloway // Scottish Weapons and Fortifications 1100–1800. Edinburgh, 1981. P. 55–72.

шотландских войн, невзирая на все немалые достижения англичан, был одинаков – сохранение полного суверенитета Королевства Скоттов в его границах, с утратой только лишь острова Мэн и города Берик, который переходил из рук в руки 14 раз. В конце концов (величайшая ирония истории!), тщетно пролив реки крови и истратив горы золота и серебра на покорение «Шотландской земли», англичане получили в Лондоне ту самую шотландскую династию, что веками им противостояла.

На протяжении всего раздела авторы ведут речь об альянсах между главами знатных родов, но нигде не учитывают широко распространенную с первой половины XV в. документальную форму укрепления клановых и межклановых связей – «договоры преданности» (*bonds of manrent*), когда вожди или магнаты предлагали защиту рыцарям или более скромному люду в обмен на их верную службу «против всех смертных, кроме одного лишь Короля Скоттов»; так же именовались и союзы самих магнатов.

Авторы ошибаются в том, что Шотландия «выплачивала ежегодные взносы Норвегии» за Оркнейские и Шетлендские острова (с.273–274); она должна была платить за Гебриды, что делалось лишь изредка и прекратилось в 1426 г. Неверно передан и главный смысл договоров 1468–69 гг. Первоначально король Скоттов получал Оркни и Шетленд лишь *как залог* выплаты приданого своей невесты, и только вследствие неуплаты оба архипелага навсегда отошли к Шотландии.

Авторы постоянно твердят о «гэльском севере», тогда как гэльскими в этот период оставались и запад, и юго-запад, и многие районы центральной Шотландии. С другой стороны, на севере почти во всех городах и в ряде областей объяснялись на Scots. Хотя лордство Островов было упразднено короной, нельзя говорить об «уничтожении клана МакДоналдов... как сколь-нибудь значимой политической силы» (с.288); он продолжал играть видную роль в стране гэлов вплоть до середины XVIII в.

Третий раздел обрывается внезапно, на полуслове. Последняя дата в нем – 1507 г., так что завершающий этап правления Джеймса IV по каким-то причинам был отсечен. Не упомянута хотя бы словом даже роковая битва при Флоддене, где пали король Скоттов и почти весь цвет шотландской знати и рыцарства.

Двухстраничное Послесловие не впечатляет – столь пространной работе подобало бы основательное заключение. Немногие наличные выводы весьма уязвимы. «История шотландского Средневековья представляется прежде всего историей региональных этнокультурных и этнополитических общностей» (с.295). Однако не в меньшей, а то и в большей степени она представляется историей образования и укрепления двуединого народа и единого государства, которые выдержали все обрушенные на них испытания. Наконец, признается «идея национальной идентичности шотландских скоттов», чего авторы старательно избегали на предыдущих страницах, но оказывается, что «в начале XVI в. и позднее, после унии корон 1603 г., самосознание обитавших на территории Шотландии народов станет

органичной частью представлений о коллективной, теперь уже британской, идентичности» (с.296).

Было бы крайне любопытно ознакомиться с доказательствами существования «британской идентичности» в XVI – начале XVIII в. Напомню только, что уже после 1603 г. шотландский парламент, вопреки воле королей, не раз проваливал попытки объединения с Англией, а перед унией 1707 г. две части Британии бывали на грани торговой войны и обменивались враждебными актами. Когда же унию парламентов, наконец, протасили, при массовых протестах в Шотландии, путем угроз и подкупа (суммы и получатели известны), последовало еще три восстания и несколько десятилетий якобитского движения. В конце XVIII – начале XX в., в период расцвета Великобритании, шотландцы заняли весьма высокие места почти на всех уровнях гражданской, военной и морской службы по всей империи.¹⁷ Тогда, действительно, британская идентичность сделала некоторые успехи. Но даже во второй половине XVIII в. «ярость против шотландцев» в Королевском Флоте¹⁸ вынуждала их покидать британскую службу; в их числе был молодой офицер Сэмюэл Грейг (будущий российский адмирал, победитель Чесмы и Гогланда, командующий Балтийским флотом) и многие другие. Вместе с тем попытки упразднить самые имена Шотландии и ее народа не удались. Так, один из ее старейших полков был переименован в «Северо-британских драгун», но затем вернул исконное название «Шотландских серых»; боевой клич полка при Ватерлоо и в других битвах был и ныне остается: «*Scotland forever!*». В викторианскую эпоху случалось, что письма из Англии в Шотландию с сокращением N.B. (Северная Британия) либо оставались без ответа, либо получали ответ с обратным адресом S.B., и в результате не прижилось ни то, ни другое.

Шотландцы и англичане сосуществуют в парламентской унии три века, но до того обитали раздельно более тысячелетия. Ныне, как и всегда, разительные отличия между двумя странами и народами, от пейзажа и архитектуры до национальных характеров и языков, сразу бросаются в глаза любому приезжему. Сегодня шотландский национализм или, если угодно, патриотизм – наследие Средневековья – жив как никогда. Большинство шотландцев, даже многие юнионисты, в графе «национальность» пишут *Scottish*, а не *British*. По мнению рецензента, неплохо знающего историю Британии и часто и подолгу бывающего в разных ее частях, британская национальность так толком и не сложилась, а после распада Империи даже то, что было, переживает все бóльшие трудности. Мне могут возразить: но ведь шотландцы не отделились на референдуме. Отвечу: все впереди. Во-первых, националисты, несмотря на мощное давление Лондона, собрали без малого половину голосов, а еще два-три года назад было бы всего процентов 30; во-вторых, за несколько месяцев после неудачи сторонников независимости членство Шотландской Национальной Партии выросло почти

¹⁷ См. Fry M. The Scottish Empire. Edinburgh, 2002.

¹⁸ РГАВМФ, Санкт-Петербург. Ф. 8, оп. 1, № 54, л. 23 об.

в пять раз (!), ныне приближается к 120 тысячам и быстро догоняет общebritанских тори; в-третьих, ШНП только что сокрушительно выиграла выборы в британский парламент, обеспечив себе 56 из 59 шотландских мест. Главную цель этой партии никто не отменял, и очень может статься, что Шотландия все же покинет ряды «британских композитов» (термин авторов) – вслед за Эйре, чья независимость тоже не так давно многим казалась несбыточной.

Возвратимся к тексту. Весьма существенная слабость всей монографии – хаотичная и нередко неточная передача множества имен и топонимов, вплоть до почти неузнаваемых искажений вроде «Финдляйха», «Даба» или города «Капэр» (следует читать и, полагаю, писать: Финли, Ду и Купар). Проблема неоднозначна и нелегка, ибо надо учитывать происхождение, время и место употребления тех или иных форм. Имена королей авторы монографии дают на «традиционный» лад, хотя о российской традиции в отношении Шотландии можно говорить лишь очень условно, да и они сами далеко не всегда соблюдают свой же принцип: Бэллиол у них все-таки Джон, а не Ио(г)анн или Иван, другой же король Скоттов «Вильгельм» Лев встречается и как «Уильям». Принцы из дома Стюартов – Джеймсы, но по занятии престола превращаются в Яковов; по этой системе британский принц Чарлз после коронации станет Карлом. Нормандский барон, давно осевший в Британии, называется на французский манер «Николя де Суль» – допустим, но его сосед и собрат по крови тут же фигурирует как «Роджер» – отчего не Роже (с.151)? Причудливо смотрятся и гибридные формы вроде «Джона Суля».

Некогда у нас писали «Денис Дидерот» и «Гулль» (тут ни один звук не отвечает оригиналу!). Я, и не я один, считаю русифицирующую графическую транскрипцию устаревшей и держусь иного, фонетического подхода (Дидро, Халл, Дэвид, Александер и т.д.); здесь, правда, тоже есть свои трудности, но это меньшее зло, и в мою пользу укажу на коллег-пиренеистов, которые давно используют формы Альфонсо–Афонсу, Карлос–Карлуш и др., или мадьяроведов, для которых норма Иштван и Дьёрдь. Впрочем, какой бы подход мы ни избрали, в научном труде его, конечно, следует применять последовательно и повсюду (либо Уотсон и Холмс, либо Ватсон и Гольмес), а в этом отношении авторы так и не пришли к согласию даже между собой. Особенно досталось имени Angus, которое предстает как Энгас, Энгус и Ангус (я предпочитаю второй вариант, но в любом случае в одном труде нужен *один*). Что тогда сказать о более сложных формах, как Дандреннан или Арднамерхан, склоняемых на разные лады? Книга невероятно пестрит расхождениями такого рода: гэлы, но «гаэлизация», то Бьюкен то Бахан, то Стерлинг то Стирлинг, то Твид то Туид, то Ольстер то Ульстер, то Хэксэм то Гексам, то Эдуард то Эдвард и т.п., порой в одном и том же разделе. Последние примеры показывают, что не все в порядке и с нешотландскими именами (скажем, Alnwick должен быть Аником).

Очевидно, авторы плохо знакомы с фонетикой шотландских языков, будь то гэльский или Scots, что и приводит к ошибочным и порой нелепым

транскрипциям. Диграф *ch* в обоих случаях, как правило, должен звучать как русское «х» и писаться так же (Лох, Сохиберн, Мердох). Иногда авторы точно передают широкий ударный гласный *a*: Сент-Эндрюс, Бэннокберн, Тэйлор, но куда чаще пишут «на глаз» и «по старинке»: «Атолл», «Баллиол», «Баннерманн» (*sic*, хотя четвертое *n* излишне, он не немец) и проч. Правильно, на мой взгляд, транскрибируются Данди и Данкелд, но почему тогда «Дункан» и «Фордун», где логика? Шотландский дифтонг *oi* на деле читается как русское «у» лишь в ударном положении, поэтому Барбор, а не «Барбур». Нуме и Номе – в сущности одна фамилия, она произносится и должна писаться как «Хьюм»; название цитадели скоттов в Кинтайре – не Давентри (это в Англии), а Данэверти; место коронаций Скон почему-то дается в женском роде и т.п. В иных случаях не исключены и опечатки, но, например, фамилия Turnbull-Тернбулл фиксируется неверно как по-английски, так и по-русски (с.262). Разумеется, промахи присущи всем, я тоже по неведению раньше часто ошибался в шотландских именах, но массовая небрежность и двойные или множественные стандарты не пристали научному изданию.

В картографическом разделе наблюдается та же чехарда имен (Лоарн–Лорн и др.). «Прибрежные районы Кинтайра» показаны очень далеко от этого полуострова (карта № 3). Племя вертурионов «населяет» воды залива Морей Ферт, а для оркнейцев изобретено звучное имя «оркадианы» (калька с англ. Orcadians – № 4). Не указано также происхождение карт – или они авторские?

В указателе отражены далеко не все имена, присутствующие в тексте, и их поиск затруднен тем, что одно и то же имя нередко дается в двух разных транскрипциях и даже более.

И только солидная библиография почти не вызывает нареканий, кроме того, что первой в России «Истории Шотландии» Г.И. Зверевой (1987), нигде не упомянутой в монографии, нет даже здесь. Авторы, как и в тексте, иногда путают Алана Орра Андерсона с его женой Марджори и приписывают их труды друг другу (с. 32–33, 81, 302). В электронные ресурсы можно и нужно было включить прекрасную новую публикацию актов шотландского парламента, осуществленную университетом Сент-Эндрюс (The Records of the Parliaments of Scotland to 1707. St. Andrews, 2007–2015. <http://www.rps.ac.uk/>). Впрочем, парламентские документы авторы почти не используют, как и большинство других.

Задачи и план данного исследования, к сожалению, не были четко изложены во введении. Поэтому выбор материала часто выглядит прихотливым и бессистемным, а хронологические и тематические пробелы – вопиющими. В монографии опущены или едва затронуты целые пласты шотландской истории. Если, например, политика короны и развитие национальной церкви отражены в должной мере, то о торговле или крестьянстве – почти ничего. Если авторы полагают, что какие-то вещи широко известны, или в достаточной степени изучены их предшественниками, это следовало оговорить. В итоге исследование нередко

утопает в необъятном материале. Книге более подошло бы название «Очерки...» или «Некоторые проблемы истории Средневековой Шотландии», ибо своему универсальному титулу она соответствует далеко не вполне.

Наконец, вернусь к предисловию. То, что авторы называют меня «известным знатоком шотландских древностей» (с.15), быть может и лестно, но каким образом они (вновь цитирую) «учитывали опыт» сего знатока, остается гадать – в монографии нет ни одной конкретной ссылки на мою книгу, посвященную той же самой теме и эпохе («Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века»; 2-е издание вышло в Петербурге за 8 месяцев до «Средневековой Шотландии», так что вполне могло быть знакомо авторам), не говоря о статьях. Следы знакомства с моимopusом и впрямь имеются: так, описание пиктских стел класса I взято у меня дословно.¹⁹ Но куда чаще авторы нарочито отвергают мои русские эквиваленты и изобретают свои. К чему это привело в ономастике, мы видели, хотя я уже давно, что называется, «ввел в научный оборот» переводы большинства вышеупомянутых имен, по возможности с максимальным приближением к подлинникам. То же наблюдается и в терминах: *filia specialis* (статус шотландской церкви) у меня – «особая дочь» Рима, у них – «любимая дочь»; *concilium generale* у меня – «общий совет», у них «большой совет»; *Toom Tabard* (прозвище Джона Бэллиола) у меня «Голый Табард», у них «...сюрко», шотландское слово *Toom* не переведено; *Auld Alliance* («Старинный Союз» с Францией) тоже оставлен без перевода, и проч. Вовсе не мню себя истиной в последней инстанции; чьи версии точнее и предпочтительнее – судить экспертам в нашей области. По крайней мере, с Великой Тяжбой и Бэннокберном авторы согласны. Сверх того я не уверен, что в русском языке, даже в узких научных кругах, общеприняты такие термины, как «инсталлянт» (в смысле родоначальника), «бенефикатор» или «хаузхолд».

Из текста монографии явствует, что авторы не принимают или оспаривают многие аргументы, от основных выводов до отдельных деталей, ряда ведущих историков Шотландии (в частности, моего недавно умершего наставника и друга, непревзойденного медиевиста Джеффри Бэрроу, и его школы), а также настоящего рецензента, – безусловно, их полное право. Однако просто отрицать или провозглашать спорность мало, требуется еще обосновать собственные взгляды, и желательно на источниках. Как раз этого в книге заметно недостает, кроме первого раздела, да и там это далеко не всегда убедительно.

Хорошо, что монография С.Е. Фёдорова и А.А. Паламарчук обсуждалась со студентами СПбГУ, но научные труды обычно принято обсуждать с коллегами-профессионалами в соответствующей сфере, а таковые у нас имеются не только в обеих столицах, но и в других городах, так что дело не в одном лишь Д.Г. Федосове. Почему этого не произошло –

¹⁹ Федосов Д.Г. Указ. соч. С. 62. Фёдоров С.Е. Паламарчук А.А. Указ. соч. С. 25, примеч. 36.

главный вопрос к авторам. Ведь в ходе такого обсуждения, формального или неформального, удалось бы избежать многочисленных сомнительных доводов и выводов, явных ошибок и изъянов, названных и неназванных выше.

© Д.Г. Федосов. Средние Века. № 76 (3–4). М., 2015, с. 441 – 458.